

ветские литературоведы. Он старается найти разграничения «школ» по признакам «теории» («вдохновение или труд?»), «содержания» и «формы», т. е. почти по тому же самому, что и А. Н. Соколов, В. В. Петелин и А. Буров. Разница между подходом Лаблени и советских авторов состоит в том, что вторые придают, — и, конечно, они в этом отношении правы, — особенное значение мировоззрению, тогда как французский литературовед из всей суммы философских проблем художественного творчества берет один только вопрос о вдохновении и труде.

Однако и вопросы мировоззрения в качестве исходного пункта при суждении о литературном направлении решаются не так просто, как можно было бы полагать. Не говоря уже о том, что сторонники романтизма в немецкой, французской, английской и русской литературе отправлялись от разных философских школ, даже в отношении философской базы классицизма нет сейчас среди исследователей единства взглядов. Еще очень недавно представлялась единственно мыслимой точка зрения (впервые высказанная французским исследователем Э. Кранцом в 80-х годах XIX в.), что классицизм вырос на почве рационализма, что искусство классицизма построено на рационалистической эстетике. Однако в последнее время с достаточной аргументированностью было высказано мнение, что французский классицизм опирается на философию сенсуализма и что не Декарт, а английские сенсуалисты (Локк, в меньшей степени Беркли и Юм) явились философской питательной почвой классицизма. Эта точка зрения находит себе подтверждение применительно к русской литературе в том, что Сумароков, например, в своих философских статьях исходит из концепций Локка. Вместе с тем другие русские писатели, которых также считают представителями классицизма (Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, В. И. Майков), не разделяли взглядов сенсуалистов.

Следовательно, либо надо признать, что каждому литературному направлению соответствует одно какое-то определенное философское учение и тогда писатели, исходящие из другой философской концепции, не являются представителями данного литературного направления, либо надо согласиться с тем, что к одному литературному направлению могут принадлежать писатели с различными философскими воззрениями. Чтобы как-нибудь выпутаться из этих противоречий, могут утверждать, что при наличии различных философских позиций у писателей будто бы одного литературного направления мы имеем дело с разными течениями внутри него, а не с различными направлениями. Но так ли это? Не есть ли это мнимое объяснение? Если мы считаем, что литературное направление есть целостная идейно-художественная система, вырастающая на основе определенной философии, которая в свою очередь определяет совокупность эстетических воззрений и творческих приемов (поэтику) данной группы писателей, то, значит, разные философии должны создавать разные эстетики и поэтики. Поэтому совершенно